

В. А. Фатеев

А БЫЛО ЛИ «ПОЧВЕННОЧЕСТВО»? Полемиические заметки

Резюме

В статье рассматриваются мировоззренческие и эстетические основания литературно-философского направления второй половины XIX в., получившего позже название «почвенничество». Существует мнение, будто три основных «почвенника» — Ф. М. Достоевский, А. А. Григорьев и Н. Н. Страхов — настолько разошлись между собой по взглядам, что целесообразнее рассматривать идеи и творчество каждого из них в отдельности. Известный достоевсковед В. Н. Захаров утверждал в статье «Почвенничество в русской литературе: метафора как идеологема» (2012), что настоящим почвенником был лишь Ф. М. Достоевский, который впервые изложил программу нового направления в объявлении о подписке на журнал «Время» (1860). По мнению Захарова, в этой программной статье, как и в дальнейшем, Достоевский, в отличие от других, ненастоящих «почвенников», будто бы лишь «встроившихся в фарватер» направления, часто употреблял метафору «почва» как идеологему. По существу, исследователь поддержал точку зрения, что расхождения между почвенниками носили непреодолимый характер. Однако в таком случае вполне можно подвергнуть сомнению само существование почвенничества как единого направления. В данной статье доказывается, что идеологемой «почва», которую на самом деле широко использовали и другие ведущие представители этого направления, далеко не ограничиваются признаки «почвенничества». Несмотря на действительное существование между Достоевским, Григорьевым и Страховым идейных разногласий, можно найти в их взглядах гораздо больше общего. Всем им было присуще положительное отношение к духовной самобытности и народности русской литературы, опора на органические начала жизни и творчества, высокая оценка значения Пушкина, а также неприятие теоретизма, аристократических и нигилистических тенденций. В статье показано, как сближавшие всех трех писателей почвеннические идеи вырабатывались при совмест-

© В. А. Фатеев, 2020

ной работе в журналах «Время» и «Эпоха», а затем проявлялись также в журнале «Заря» под редакцией Страхова и в журнале «Гражданин» в период редакторства Достоевского, как и в знаменитой «Пушкинской речи» великого писателя.

Ключевые слова: почва, почвенники, почвенничество, славянофильство, западничество, нигилизм, Ф. М. Достоевский, А. А. Григорьев, Н. Н. Страхов, журналы «Время», «Эпоха», «Заря», «Гражданин», «Пушкинская речь» Достоевского

Valery A. Fateev

DID THE NATIVE SOIL MOVEMENT REALLY EXIST? (POLEMICAL NOTES)

Abstract

This article deals with ideological and aesthetic foundations of the 19th-century literary movement which was later called *Pochvennichestvo* (Native Soil). Some scholars have suggested that the three principal figures of this movement — Fyodor Dostoevsky, Apollon Grigoryev and Nikolay Strakhov — were so different in their views that it is more reasonable to investigate the ideas of each of them separately. V. N. Zakharov, an outstanding expert on Dostoevsky, asserted in his article “*Pochvennichestvo* in Russian Literature: Metaphor as a Mythologeme” (2012) that the only one who truly lived up to the Native Soil principles was Dostoevsky, who set forth the program of the new movement in the Announcement about the subscription to the journal *Vremya* in 1860. According to Zakharov, unlike the other, “false”, members of the movement, who were just authors of *Vremya*, Dostoevsky widely used the metaphor *pochva* (soil) as a mythologeme in this article and in his subsequent works. In fact, Zakharov shared the opinion that there was a significant difference in the views of these writers. In this case, however, the very existence of the *Pochvennichestvo* as a single movement can be questioned. The present article argues that the term *pochva* was no less frequently employed by the other leading representatives of the movement and that the use of this mythologeme is not the only indication of their adherence to it. Although Dostoevsky, Grigoryev and Strakhov had serious ideological divergences, their philosophical and aesthetic views were much closer. The Native Soil writers shared a positive attitude towards spiritual independence and a national orientation of Russian literature. All of them relied on the organic essence of life and creativity. They highly appreciated the importance of Pushkin and denied excessive theorizing, aristocratic and nihilistic tendencies. The article shows how the Native Soil principles were developed by Dostoevsky, Grigoryev and Strakhov during their collaboration in the journals *Vremya* and *Epokha* and unfolded later in the journal *Zarya*, edited by Strakhov, and in the journal *Grazhdanin*, edited by Dostoevsky, as well as in Dostoevsky’s famous Pushkin Speech.

Keywords: *pochva* (Native Soil), *pochvenniki* (adepts of the Native Soil movement), *Pochvennichestvo* (Native Soil movement), Slavophilism, Westernism, nihilism, Fyodor Dostoevsky, Apollon Grigoryev, Nikolay Strakhov, journal *Vremya*, journal *Epokha*, journal *Zarya*, journal *Grazhdanin*, Dostoevsky’s Pushkin Speech

DOI 10.31860/2712-7591-2020-3-32-62

Герой романа Максима Горького «Жизнь Клима Самгина», как известно, высказывает сомнение: «А был ли мальчик-то?» Этот самгинский вопрос стал устойчивым выражением, символом сомнения в факте существования какого-либо явления, недоверия к нему. Такие ситуации возникают постоянно. Случается подобное и в истории отечественной словесности. Нечто в таком роде происходит, например, с толкованием понятия «почвенничество».

Известно, что почвенничество как литературно-философское направление возникло в начале 1860-х гг. в связи с журналом братьев Достоевских «Время». Его главными представителями считаются Ф. М. Достоевский, Ап. А. Григорьев и Н. Н. Страхов. Однако сам термин «почвенничество» появился позже, а участники этого движения его не употребляли. Впрочем, Ф. М. Достоевский использовал понятие «почвенники» в «Записной тетради» 1864–1865 гг. (возможно, и ранее), а Н. Н. Страхов в воспоминаниях о Достоевском в 1883 г. посвятил выработке идейной платформы журнала «Время» отдельную главу под названием «III. Новое направление. — Почвенники». Идеальный оппонент журнала «Время», публицист «Современника» М. А. Антонович, применил слово «почвенники» уже в декабре 1861 г. Кем и когда был пущен в оборот термин «почвенничество», не выяснено, однако в первой половине XX в. он уже употреблялся — в частности, в трудах таких крупных историков философии, как священники Василий Зеньковский и Георгий Флоровский.

В целом почвенничество изучено пока явно недостаточно, и написано о нем довольно мало, хотя количество исследований, посвященных этому важному направлению русской литературы и общественной мысли, непрерывно растет. Однако нельзя не признать, что авторам книг и статей, рассматривающим проблемы почвенничества, до сих пор не удается четко обозначить контуры этого явления и дать ему ясное, убедительное определение.

Одной из причин такого положения литературовед А. Л. Осповат назвал восходящий к Ап. Григорьеву, а в какой-то степени и к Достоевскому принципиальный адогматизм почвенничества, «тотальный скепсис по отношению к любой системности, концептуальности» [Осповат, 1978, с. 149].

Но самое главное: историки русской культуры отмечают существенные различия во взглядах основных представителей почвенничества. Так, исследователь из Оренбурга Т. П. Писарчик, автор ряда работ о философских и эстетических корнях творчества А. А. Григорьева, полагает, что ввиду разногласий между братьями Достоевскими и Григорьевым «нет никаких оснований необоснованно сближать их взгляды» [Писарчик, 2012, с. 67].

Некоторые современные дostoевскоеды вообще упоминают Страхова лишь в отрицательном контексте за печально известное письмо к Толстому, которое они считают «клеветническим». Между тем без этого критика представить себе почвенничество как единое направление невозможно, хотя бы потому, что именно Страхов, который состоял в дружеских отношениях с Григорьевым, был важным связующим звеном между ним и братьями Достоевскими.

Находя целесообразным рассматривать каждого из почвенников отдельно, так как они слишком расходятся во взглядах, Т. П. Писарчик заручается поддержкой таких авторитетов, как историк философии протоиерей Василий Зеньковский и итальянский исследователь Гвидо Карпи. Зеньковский, сопоставляя взгляды Григорьева и Достоевского, утверждал, что «огненный мессианизм» Достоевского с акцентом на «даре всечеловечности» у русских придавал его варианту почвенничества «несколько иной смысл», отличный от «христианского натурализма» национально ориентированного почвенничества Ап. Григорьева [Зеньковский, 1997, с. 116–118]. Еще более категоричен итальянский ученый Гвидо Карпи, который писал: «С первого взгляда почвенничество представляет собой разнородное и эклектическое явление, союз личностей, соединенных только одним участием в издательском предприятии братьев Достоевских, но идеологически глубоко чуждых друг другу...» [Карпи, 2004, с. 161]. Опираясь на эти мнения, исследователь заявляет: «Вот почему правильно будет говорить не о „философии почвенничества“ вообще, а о философских идеях каждого из представителей почвенничества» [Писарчик, 2012, с. 67].

Итак, недостаточная определенность, размытость контуров, противоречивость философских и эстетических оснований почвенничества, а особенно расхождения во взглядах его отдельных представителей могут породить даже сомнения в том, что такое направление в истории русской литературно-философской мысли действительно существовало.

Заметный вклад в такое «самгинское», прямо скажем, отношение к почвенничеству внес известный историк литературы В. Н. Захаров своей статьей «Почвенничество в русской литературе: Метафора как идеологема» (2012). Захаров ставит своей целью борьбу с «мистификацией», какой ему представляется современная интерпретация понятия «почвенничества». Исследователь литературы начинает статью с загадочной фразы: «Почвенниками называют тех, кто почвенниками не был, а лишь встроился в фарватер журналов братьев Достоевских „Время“ и „Эпоха“ или спорил с ними, признают вклад в почвенничество тех, кто не разрабатывал и не развивал их идеологию, приписывают почвенникам слова, понятия, идеи, которые

они не произносили, о которых не писали» [Захаров, 2012, с. 14]. И тут же дает понять, что «мистификаторами», не разрабатывавшими идеологию почвенничества, но лишь пристроившимися к этому направлению, он считает не кого-нибудь, а ближайших соратников Достоевского по журналам «Время» и «Эпоха» Григорьева и Страхова. Казалось бы, сами имена трех основных деятелей почвеннического движения при всем различии их мировоззрений — нечто наиболее устоявшееся и общепринятое в толковании данного литературного направления. По этой причине напрашивается необходимость оспорить основные тезисы этой статьи авторитетного специалиста, по существу подрывающей самые основания почвенничества.

Захаров принимает как данность то, что основным признаком этого направления было метафорическое употребление слова «почва», и с самого начала заявляет: «Кроме Достоевского, нечасто употребляли это слово и те, кого называют почвенниками. Слово *почва* почти отсутствует в критическом тезаурусе Н. Н. Страхова. Его редко употреблял А. А. Григорьев» [Захаров, 2012, с. 14].

В том, что родоначальником почвенничества как направления был именно Достоевский, нет никакого сомнения, хотя бы потому, что уже в рекламном объявлении о новом журнале («Объявление о подписке на журнал „Время“ на 1861 год») он неоднократно употребляет термин «почва» в аллегорическом смысле как метафору национальной самобытности, опоры на народные начала.

Однако прежде всего странно, что критерием принадлежности к литературно-философскому направлению берется частота использования единственного, пусть и выразительного, термина — «почва». На самом деле, конечно, любое направление складывается из целого ряда разнообразных факторов. Это показывает и сам Достоевский в том же объявлении, отмечая, например, важность для почвенничества национального характера литературы: «Мы убедились наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и что наша задача — создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 36]. Из этого высказывания вытекает, что идеологема «почва», на которой сосредоточивает свое внимание Захаров, является синонимом не менее важного понятия «народность», которым прежде широко пользовались ранние славянофилы. Но Захаров делает особый упор именно на «почве» как особой, наиболее существенной характеристике новизны направления журнала «Время», что позволяет ему поставить под сомнение важность вклада в почвенничество ближайших соратников Достоевского по журналу.

Любому образованному читателю известно, что Григорьев и Страхов являются наряду с Достоевским основными фигурами литературного направления, получившего название «почвенничество». Без них представить это направление трудно и даже невозможно. Так что автор статьи о «почве» в метафорическом смысле, изображая главных участников почвеннического движения не то «мистификаторами», не то жертвами мистификаций, которых только «называют почвенниками» [Захаров, 2012, с. 14], ставит под сомнение саму историю почвенничества. И по прочтении этой странной статьи уже не кажется нелепым вывод: а не было ли тогда мистификацией и почвенничество в целом?

Если же Захаров прав и настоящим почвенником, как он утверждает, может считаться лишь Достоевский, то вряд ли можно вести речь об отдельном литературном течении или направлении, когда оно представлено лишь одним писателем, пусть и гениальным. Тем самым исследователь невольно подрывает почву и под Достоевским, так как пытается вырвать фигуру писателя из современного ему литературного контекста. Но авторитет Достоевского в русской и мировой литературе настолько велик, что писатель вряд ли нуждается в столь пристрастных защитниках, особенно в научной сфере.

* * *

Почему Захаров явно старается преуменьшить роль Страхова в истории почвенничества, понятно — это попытки «остракизма» за известное исповедальное письмо критика о Достоевском, и мы не будем затрагивать здесь этот вопрос, так как он требует особого, подробного разговора. Но каждый может заметить, что в своих выступлениях известный специалист по Достоевскому стремится всячески осудить Страхова, сделать его изгоем среди современников и умалить его роль в истории почвенничества. Однако единственное, к чему приводит стремление опровергать или обходить стороной приводимые Страховым сведения и аргументы, — история направления становится неполной и искаженной.

Пожалуй, верх необъективности продемонстрирован Захаровым в статье «Полемические заметки Ф. М. Достоевского о Н. Н. Страхове» в которой этот специфический раздел «достоевсковедения» пополнился, например, доказательством, не без помощи текстологии, абсурдной мысли о готовности Страхова «родину предать» [Захаров, 2017, с. 63].

Впрочем, роль Страхова в почвенническом движении вообще обычно представляется скромной, и деятельность этого философа, критика и публициста остается в тени ярких фигур его выдающихся коллег по журналу

«Время». Однако для истории почвенничества «Воспоминания об А. А. Григорьеве» (1864) и «Воспоминания о Ф. М. Достоевском» (1883) Страхова поистине бесценны, и обойтись без них исследователям никак нельзя.

Если с Достоевским отношения у Григорьева не очень ладились, то Страхов более чем кто-либо сумел увидеть всю одаренность личности и глубину творчества Григорьева. Именно Страхову мы обязаны прежде всего тем, что постепенно Григорьев, несмотря на все его личные слабости и неприятие его консервативных воззрений доминировавшими в общественном мнении идейными противниками, стал восприниматься как первый, самый глубокий критик в России.

С предвзятостью Захарова по отношению к Страхову, носящей какой-то даже личный оттенок, всё понятно. Но вот что удивительно: историк литературы далек от объективности и в исследовании места и значения в почвенническом движении Ап. Григорьева, грехами, подобными страховскому, не отягощенного. О роли Григорьева в журналах Достоевского, как и вообще в истории почвенничества, В. Н. Захаров пишет такие странные вещи, с которыми трудно согласиться. Тут может идти речь разве что о какой-то субъективной ревности по отношению к сопернику любимого писателя.

«Отлучение» Григорьева от почвенничества Захаров обосновывает тремя причинами. Во-первых, Григорьев, по мнению Захарова, вообще не почвенник, а славянофил. Во-вторых, слово «почва» он употреблял редко. И в-третьих, с редакцией братьев Достоевских он был связан недолго и в выработке платформы почвенничества участия не принимал, так как имел по большинству вопросов отличное от редакции мнение.

Все эти утверждения либо неточны, либо просто неверны. Начнем со «славянофильства» Григорьева. У почвенничества, как и у всякого направления, несомненно, были свои предшественники. Среди предтеч почвенничества исследователи называют журнал «Москвитянин», и особенно его молодую редакцию во главе с Ап. Григорьевым. Захаров «отлучает» Григорьева от почвенничества на том основании, будто он был славянофилом. Однако еще в 1850-х гг. в письмах к славянофилу-меценату А. А. Кошелеву (1856), историку М. П. Погодину (1857), Е. Н. Эдельсону (1857) и П. А. Плетневу (1859) критик заявлял, что он при всей близости к славянофильству «столь же мало славянофил, сколько мало и западник» [Григорьев, 1999, с. 153], четко указывая, что его связывает со славянофильством, а в чем он с ним расходится.

К недостаткам славянофильства Григорьев относил то, что за народ славянофилы принимали исключительно крестьянство и идеализировали допетровский быт, критиковал за барство, сухой, теоретический пуританизм,

недооценку искусства, художества и, в частности, роли А. С. Пушкина в русской литературе. Этим принципам Григорьев не изменял и в 60-х гг., связанных с журналами «Время» и «Эпоха».

Нет сомнения, что идеи Григорьева стали одним из основных, если не главным, источником, из которого почвенники, в том числе и Достоевский, черпали свою идеологию. Что касается непосредственного участия Григорьева в выработке мировоззрения почвенничества, то отрицать его тоже трудно. Целый ряд исследователей выражает уверенность, что Достоевский, развивая теорию почвенничества, пользовался идеями Григорьева. Поэтому появление Григорьева в составе сотрудников «Времени» отнюдь не было случайным.

Григорьев, который вел беспорядочную жизнь, действительно начал свою деятельность в журнале «Время» с запозданием — в январе 1861 г. он сидел в долговой тюрьме. Но там он работал над статьей «Народность и литература», и уже в этой статье («Время», 1861, № 2), то есть начиная со второго номера «Времени», выдвигал почвеннические идеи. Вполне в соответствии с установками редакции «Времени» он проводит в этой статье мысль о необходимости нового направления, которое пришло бы на смену давно противоборствующим, но устаревшим направлениям — славянофильству и западничеству. Свою позицию Григорьев недвусмысленно заявляет в самом начале статьи: «К числу несомненных, купленных опытом фактов нашего времени принадлежит тот факт, что в сущности нет уже более теперь у нас двух направлений, — лет за десять тому назад резко-враждебно стоявших одно против другого, — *западного и восточного*» [Григорьев, 1876, с. 482]. Хотя Григорьев и уделяет в этой статье больше внимания критике западничества, отдавая предпочтение славянофильству, но для него это уже отжившее прошлое. Подразумевалось, что новым направлением, которое пришло им на смену, и было почвенничество.

Даже оппонент почвенников М. А. Антонович уже в 1861 г. обратил внимание на заявления Григорьева в его статьях о том, что время славянофилов кончилось: «В последнее время разнесся слух, будто бы у нас уже нет славянофилов; этот слух особенно усердно распространял г. А. Григорьев и некоторые журналы...» [Антонович, 1861, с. 176]. Правда, сам оппозиционный публицист с этим не согласен и утверждает, что «славянофилы существуют, только несколько измененные» [Там же, с. 177], и называет их «новыми славянофилами», тоже, естественно, имея в виду почвенников.

В декабре 1861 г., посылая в редакцию «Времени» через Страхова «программную» статью о Толстом, Григорьев характеризовал свои взгляды почти теми же словами, что и ранее в письме к Погодину: «Статья, как ты

сам увидишь, должна быть *решительною* в моих отношениях с „Временем“! (...) Кажется, ясно из нее, что я столь же мало славянофил, сколько мало западник, столько же далек от Аскоченского, сколько и от Добролюбова» [Григорьев, 1999, с. 268].

Теперь об употреблении Григорьевым идеологемы «почва». Исследователь с непонятной категоричностью заявляет: «Он никогда не превращал метафору в идеологему». И тут же сам отмечает, что помимо понятия «почва» Григорьев употребляет синонимы этой «идеологемы»: «...иногда в его статьях возникает поясняющий синонимический ряд к слову *почва*: народ, народная жизнь, народная правда, национальная культура, „действительность“; порой это слово поясняет другое понятие: „натура, то есть почва и среда“» [Захаров, 2012, с. 17]. Но что такое синонимический ряд? Это выражение того же или близкого содержания другими словами. Почему-то Захаров считает выражающим суть почвеннического направления только термин «почва», которым изобилуют ежегодные объявления Достоевского о подписке, хотя есть и немало других слов, которыми почвенники выражали тот же общий для их направления смысл.

Акцент редакции «Времени» на метафорическом значении слова «почва» объясняется просто. Наиболее активными сторонниками продвижения термина были братья Достоевские, потому что редакции был нужен заметный ориентир для укрепления позиции журнала «Время» как независимого, самостоятельного печатного органа. Журнал стремился отмежеваться от соперничающих изданий — славянофильской газеты «День» И. С. Аксакова и «Русского вестника» Каткова, и Достоевский вел с ними полемику, в то время как Страхов в первый же год существования «Времени» начал остро полемизировать с оппозиционными журналами «Современник» и «Русское слово». Понятие «почва» стало узнаваемым знаком журнала «Время», и Захаров упрекает Григорьева, что он не почвенник, а славянофил, и мало употребляет идеологему «почва».

Но вот что особенно удивительно: вопреки заявлениям Захарова, эта «идеологема» довольно часто встречается в сочинениях Григорьева, притом даже в ранний период. Показательно, например, что еще в 1859 г., задолго до журнала «Время», в серии статей «И. С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа „Дворянское гнездо“» («Русское слово», 1859, № 4–6, 8), Григорьев *более двух десятков раз* использовал слово «почва» в метафорическом смысле. Критик писал о «народной почве», «привязанности к почве», «возвращении к родной почве» — то есть широко применял термин, который Захарову представляется важнейшим для определения принадлежности к почвенничеству.

Ярким примером еще большего сближения позиций главных действующих лиц журнала может служить хотя бы статья Ап. Григорьева «Стихотворения Н. Некрасова» («Время», 1862, № 7). В этой статье Григорьев употребил столь ценное Захаровым слово «почва» *целых 26 раз*, то есть никак не реже, чем Достоевский в упомянутых ежегодных «Объявлениях». Вся классическая русская литература — от Пушкина, разумеется, и Лермонтова до Кольцова и даже до тяготеющего к обличительному направлению Некрасова — оказывается, согласно Григорьеву, в лучших сочинениях исполнена «любви к почве», и притом, конечно, «не в агрономическом смысле». И чем, как не «идеологемой», можно назвать такие яркие примеры почвеннических воззрений из этой статьи о Некрасове? К примеру, Григорьев пишет об идейном противнике почвенников Некрасове: «Ведь он любит ее, эту родную почву, как весьма немногие (...) так же искренно, как фанатически поклонявшийся родной почве Хомяков...» [Григорьев, 1990, с. 318], а далее сопоставляет с этой искренностью любви «первые робкие, хотя застенно-страстные признания великого Пушкина в любви к почве в „Онегине“...» [Там же, с. 319].

Однако для Захарова эта статья не в счет, она — «исключение»: оказывается, Григорьев лишь «в полной мере отработал программные установки редактора журнала М. М. Достоевского, заказавшего ему эту статью» [Захаров, 2012, с. 17].

Но эта статья далеко не единственное «исключение»: многочисленные упоминания любви русских писателей к почве (тоже в метафорическом смысле) можно найти, например, в статье Григорьева «Граф Л. Н. Толстой и его сочинения» («Время», 1862, № 9). Упоминаний «почвы» там тоже немало — *15 раз*. Однако не менее важно в этой статье то, что Григорьев намечает в ней такой подход к творчеству Толстого, который Страхов разовьет позже в общую линию развития русской литературы от «поворота к почве» «цельной натуры» Пушкина в «Повестях Белкина» и «Капитанской дочке» к «Войне и миру», — концепцию, которую более поздние критики называли *почвеннической*.

В конце 1861 г. Достоевский в «Объявлении о подписке на журнал „Время“ на 1862 год» развил и дополнил программу почвенничества словосочетаниями типа «новая почва», «старая почва», «крепкая почва», «народная почва» и синонимичными им понятиями типа «русская мысль» и т. п. [Достоевский, 1972–1990, т. 19, с. 147–150].

Охота за «почвой», на которой так сосредоточился Достоевский, формировавший новое направление, и которой вслед за ним придает важнейшее значение современный исследователь, стала предметом пародий противников

почвенников. В декабре 1861 г. один из идеологов журнала «Современник», М. А. Антонович, выступил с обширной критической статьей «О почве (не в агрономическом смысле, а в смысле „Времени“)», в которой подвергал язвительной критике идейные установки журнала «Время» с акцентом на «почву». Публицист оппозиционного журнала открыто глумился над понятием «почва», утверждая, что все толки о почве не более чем «фразы».

Антоновичу ответил не сам Достоевский — ответственное для журнала полемическое выступление о «почве» было доверено Страхову, что говорит о том, что он все-таки играл не последнюю роль в редакции «Времени». Страхову досталась в журнале трудная и не слишком благодарная миссия оперативно полемизировать с влиятельными в обществе идейными противниками «Времени». Несмотря на недостаток опыта, Страхов вел эту полемику не без успеха, и, вероятно, по этой причине именно ему и было поручено отстаивать концепцию о «почве» в споре с публицистом «Современника».

Страхов парировал выпады оппонента из «Современника» в статье «Пример апатии» («Время», 1862, № 1) и показал обоснованность появления нового направления, опирающегося на определение «почва».

Захаров пренебрежительно отзывается об этой важной по содержанию полемической статье Страхова: «...ответил, как всегда, ничего не объяснив: покритиковал оппонента за упреки, обозначил метафору, так и не растолковав ее смысл» [Захаров, 2012, с. 18]. Статья на самом деле, вероятно, не относится к числу лучших полемических сочинений Страхова. Но почему же «обозначил, не растолковав смысл»? Страхов дал вполне четкое объяснение «идеологемы», притом это его определение «почвы» так и останется едва ли не единственным у почвенников. Страхов, естественно, связывает метафорическую «почву» с понятием народа: «Под именем почвы разумеются те коренные и своеобразные силы народа, в которых заключаются зародыши всех его органических проявлений. Какое бы явление ни представляла история, современная или будущая жизнь народа (...) все это признается законным, имеющим действительный смысл — настолько, насколько органически связано с народной сущностью» [Страхов, 1890, с. 115].

Термин «органический» также появляется в объяснении метафорического смысла «почвы» не случайно. Понятие органической связи жизненных явлений, разработанное в сочинениях Ап. Григорьева, получило развитие в натурфилософских очерках Страхова и составило неотъемлемый элемент философского обоснования почвенничества.

После этого Страхову пришлось отвечать и на статью М. А. Антоновича «О духе „Времени“ и о г-не Косице, как наилучшем его выражении» («Со-

временник», 1862, № 4). В этой статье, направленной против него лично, Страхов признавался уже видным представителем почвеннического журнала. Полемические статьи Н. Косицы—Страхова, регулярно появляющиеся во «Времени», превратили его в основную мишень сатирических «орудий» оппозиционной печати.

Но вернемся к теме статьи В. Н. Захарова. В написанном Достоевским объявлении о подписке на журнал «Время» на 1863 г. почвеннические мотивы снова занимали ведущее положение, еще усилившись. В объявлении об издании журнала «Эпоха», опубликованном в 1864 г., Достоевский уже не столь часто употребляет слово «почва», разнообразя свою аргументацию и выдвигая вперед понятие «настоящие русские» и утверждая необходимость органической связи культуры и политики с жизнью и традициями народа.

* * *

Объясняя, почему Григорьев не играл важной роли в почвенническом «Времени», Захаров утверждает, что критик находился «в кругу Достоевских» менее полугода. Однако забывает сказать, что за эти месяцы он опубликовал во «Времени» немало статей (обычно по несколько в одном номере, под своим именем и под псевдонимом) и, что немаловажно, явно оказал существенное влияние на взгляды как Страхова, так и Ф. М. Достоевского.

Летом 1861 г. Григорьев действительно на полгода выпал из редакции, уехав в Оренбург. Поводом к расставанию с журналом Григорьев представил обиды на нежелание братьев Достоевских, учитывавших мнения читательской публики, признать его бездоказательные заявления о мало известных читателям Хомякове, Киреевском и отце Феодоре (Бухарева) как о крупных писателях. Однако нельзя сказать, что с отъездом влияние критика на идейную платформу журнала совершенно прекратилось.

Что касается резких одобрительных ссылок Григорьева на непопулярных в читательской публике славянофилов, что привело к определенным разногласиям с редакцией, то Страхов позже прекрасно разъяснил эту ситуацию, отнеся часть вины на самого Григорьева из-за его мнительности и непрактичности и показав всю незначительность этого конфликта: «„Время“ не хотело никому уступить в легкости чтения и в интересе и хлопотало об успехе, не только вообще признавая его обоюдно полезным и для себя и для публики, но и прямо для того, чтобы дать возможно большее распространение той идее, с которой оно выступило в литературу. И вот почему прямая ссылка на славянофилов была бы неудобна, если бы даже журнал был расположен ее сделать. Вот где и настоящая причина небольших разногласий, возникавших

у журнала с Ап. Григорьевым» [Страхов, 1990, с. 404]. То есть ради практических целей хвалить славянофилов не следовало, а нужно было налегать на идею «почвы», но непрактичный Григорьев не желал поступиться принципами. Кстати, эти пустяковые разногласия и послужили главной причиной тех слухов, будто сотрудники журнала «Время» чуть ли не враждовали друг с другом. Показательно, что после публикации Страховым воспоминаний о недавно скончавшемся Григорьеве литературные конкуренты и идейные противники почвенников постарались в своих рецензиях придать этим бегло упомянутым мемуаристом размовкам характер непримиримого конфликта — см., например: [Книжный вестник, 1865а, 1865б].

Во время своего отсутствия в Петербурге Григорьев вел активную переписку со Страховым, с которым у него не было больших расхождений во взглядах. Захаров не принимает во внимание того, что и находясь в Оренбурге, Григорьев активно участвовал в выработке общей позиции редакции через письма к Страхову.

Как известно, Страхов знакомил с содержанием этих писем братьев Достоевских. В первом же письме от 18 июня 1861 г. Григорьев пишет о вариантах преобразования «Времени», и нет сомнения, что он рассчитывал, что с этими строками ознакомятся и оба редактора, хотя знал, что его рекомендации по организации дела в журнале вряд ли могли понравиться братьям Достоевским. Первыми пунктами программы Григорьев назвал ориентир на правдивость и разрыв с «Современником»: «„Время“ могло сделаться честным, самостоятельным и по тому самому в конце концов первенствующим органом — но для этого нужно было 1) принять лозунгом абсолютную правду; 2) не заводить срамной дружбы с „Современником“...» [Григорьев, 1999, с. 250].

Не менее важно и заявление Григорьева во втором письме из Оренбурга о своем одиночестве: «Самая горестная вещь — что я решительно — один, без всякого знамени. Славянофильство также не признавало и не признает меня своим — да я не хотел никогда этого признания» [Григорьев, 1999, с. 252–253]. В очередной раз Григорьев подчеркивает свои расхождения со славянофилами, которых почему-то упорно не желает замечать Захаров, как не заметит он самых веских критических высказываний Григорьева о славянофильстве в его экстатической декларации сочувствия и ненависти к этому направлению в очерке «Плачевные размышления о деспотизме и вольном рабстве мысли», напечатанном в 1863 г. в журнале «Якорь» [Григорьев, 1930, с. 355–358].

В письме к Страхову от 12 декабря 1861 г. Григорьев дал еще более радикальные рекомендации по издательской политике журнала Достоевских:

«„Времени“, чтобы быть самостоятельным, нужно или 1) окончательно изгнать меня и тебя и постараться переманить Чернышевского, или 2) быть последовательным в своей вере в поэзию и жизнь, в идею народности вообще (в противоположность абстрактному человечеству), — воспользоваться ошибками славянофильства, как всякой теории, и встать на его место» [Григорьев, 1999, с. 266]. После этих слов говорить о том, что Григорьев не пытался влиять на идеологию «Времени», не приходится. Достоевский избавлялся от симпатий к оппозиционному «Современнику» постепенно, и подобные категоричные заявления Григорьева, бесспорно, влияли на изменения его взглядов.

Ошибка Захарова и ряда других исследователей почвенничества заключается в том, что они рассматривают идеологию направления как нечто застывшее и устоявшееся. Участники движения, связанного с журналом «Время», предстают мыслителями со сложившимися, неизменными взглядами. Однако Достоевский сам признавал, что единая платформа почвенников не была отвлеченной формулой, но вырабатывалась в процессе сотрудничества, спорах и колебаниях. В примечании к воспоминаниям Страхова об Ап. Григорьеве Достоевский писал в 1864 г.: «Совершенная правда, что в журнале в первые годы его существования были колебания — не в направлении, а в способе действия. Были тоже ошибки в некоторых убеждениях. Но направление могло только *формулироваться* с годами. Иметь направление — и уметь его ясно и всем понятно формулировать — дело разное. Последнее приобретается опытом, временем, жизнью...» [Достоевский, 1972—1990, т. 20, с. 135].

Ранний Достоевский — во многом еще западник, либерал и почти социалист. Участник журнальной деятельности тех лет П. Д. Боборыкин писал, например, в воспоминаниях, что «тогдашний Достоевский еще считался чуть не революционером» [Боборыкин, 1929, с. 212]. Страхов и особенно Григорьев на ранней стадии журнала «Время» были настроены консервативнее и в большей степени симпатизировали славянофильству, хотя и находили у ранних славянофилов немало недостатков. Достоевский не только был в это время настроен более либерально, но и, как отмечал Страхов, славянофильства почти не знал. Однако под влиянием Григорьева и Страхова Достоевский быстро менялся. Совместная работа в журнале оказывала влияние на взгляды сотрудников, их противоречия смягчались, и в тесном, взаимно полезном общении происходило интенсивное формирование единой позиции.

От однобокой критики славянофильского «Дня» и консервативного «Русского вестника» Каткова Достоевский также постепенно стал переходить

и к полемике против западных «направленных» журналов. В 1862 г. он пишет, например, статью «Два лагеря теоретиков» («Время», 1862, № 2), в которой критикует за теоретизм уже не только славянофилов «Дня», но и западников «Современника», притом явно используя терминологию Ап. Григорьева, всегда ратовавшего против догматизма любых отвлеченных теорий.

В начальный период журнала «Время» братья Достоевские пытались еще занять умеренную, даже компромиссную позицию между славянофильством и западничеством, взяв лучшее у тех и других, и создать собственное направление, получившее со временем название «почвенничества». Страхов же был в тот период гораздо ближе к Григорьеву, который тоже стоял за создание независимого направления, в котором были бы устранены недостатки славянофильства и западничества, но склонности к компромиссам с «Современником» и другими оппозиционными журналами не проявлял.

Однако постепенно позиции Достоевского и основных сотрудников «Времени» сближались. Нет сомнения, что Григорьев и Страхов в этот период сильно повлияли на Ф. М. Достоевского. Но Григорьев по разным причинам в журнале часто отсутствовал, и основное влияние на писателя, в то время еще не окончательно изжившего либерализм молодости и мало знавшего славянофильство, оказывал Страхов, уже тогда обладавший основательной философской подготовкой и редкой начитанностью.

Свидетельством влияния Григорьева может служить, например, тот факт, что в объявлении о подписке на журнал «Время» на 1863 г. появляется новый для Достоевского мотив — обличение литературных «теоретиков» и «доктринеров». Известно, что Григорьев давно выступал с критикой теоретиков справа (славянофилов) и слева (журнала «Современник»). Достоевский отстаивает «призывы к почве, к соединению с народным началом» [Достоевский, 1972—1990, т. 20, с. 207]. Из его слов становится понятно, что основными идейными противниками «Времени» являются уже не столько славянофилы «Дня», сколько западничество и его апологеты из оппозиционных изданий вроде «Современника» с «обличителем „темного царства“» (т. е. Н. А. Добролюбовым) и М. А. Антоновичем, утверждавшим, будто «почва — пустое слово». Более того, критика «теоретиков» и «доктринеров» говорит о явном усвоении Достоевским аргументов, почерпнутых из сочинений Ап. Григорьева. Под доктринерами Достоевский имеет в виду славянофилов, но его критика носит гораздо более мирный характер, чем прежде. Достоевский заявляет: «Мы отстаиваем Русь, наш корень, наши начала» [Достоевский, 1972—1990, т. 20, с. 209]. Ни Григорьев, ни Страхов не имели возражений против такой программы, в которой говорилось, что

«спасенье в почве и народе» [Там же, с. 210]. Выработка общей платформы почвенников произошла примерно к 1863 г., но именно тогда журнал был, к сожалению, закрыт.

Основательное знакомство Достоевского с трудами славянофилов произошло, вероятно, уже после запрещения «Времени». В сентябре 1863 г. Достоевский писал брату из Италии: «...скажи Страхову, что я с прилежанием славянофилов читаю и кое-что вычитал *новое*» [Достоевский, 1972–1990, т. 28, кн. 2, с. 46].

* * *

В конце 1863 г. бывшая редакция журнала «Время», запрещенного за неверно понятую статью Страхова «Роковой вопрос», хлопотала о получении разрешения на возобновление журнала. Примечательно, что возобновляемому журналу Достоевских, как следует из письма Страхова брату Павлу [Достоевский. Новые материалы, 1973, с. 392], предполагалось дать название «Почва». Но в январе Страхов написал, что «„Почвы“ не будет; это название показалось почему-то таинственным» [Там же, с. 393]. Данный факт еще раз показывает, что редакция придавала важнейшее значение теме «почвы» и такое название наверняка было поддержано всеми основными сотрудниками журнала. Если бы название «Почва» одобрили, сомнений в существовании почвенничества как союза близких писателей, пожалуй, уже не возникало бы.

В 1864 г. в объявлении об издании нового журнала «Эпоха», также написанном Достоевским, писатель утверждал: «...мы уже слишком долго толковали о почве, о соединении общества с чисто народными, естественными его интересами, чтобы объяснять теперь еще раз направление нашего нового журнала» [Достоевский, 1972–1990, т. 20, с. 213–214]. После кончины М. М. Достоевского Федор Михайлович возглавил издание журнала. Почвеннические ориентиры редакции не изменились. Таким образом, на основе этих объявлений можно сделать вывод, что редакция журналов «Время» и «Эпоха» постоянно ориентировалась на почвеннические идеалы и, совершенствуя свои идейные принципы, неуклонно проводила их в своем журнале.

Кстати, наиболее энергично из участников журнала отстаивал национальные начала творчества именно Григорьев, который еще до журнала «Время» в статье «После „Грозы“ Островского» («Русский мир», 1860) дал определение народности в узком смысле национальности и широком смысле — литературы для народа [Григорьев, 1990, с. 241–243]. В статье о Некрасове Григорьев вообще предложил отказаться от искаженной

славянофилами трактовки термина «народность», который они использовали исключительно для характеристики допетровской эпохи или имея в виду «растительную народность» (то есть простонародность). Григорьев настолько хотел отмежеваться от славянофильства, что предложил поставить вместо неопределенной славянофильской идеи «народности» во главу угла «идею национализма» [Григорьев, 1990, с. 306]. Он имел в виду смещение акцента в сторону национальности как опору не только на историю, но и на современные народные начала, включая средний городской, промышленный класс — русское купечество.

* * *

Захаров в своих выступлениях неоднократно заявлял о том, что Страхов многому научился у Достоевского. О каком-либо обратном воздействии со стороны Страхова, как и о влиянии на Достоевского Ап. Григорьева, речи он, разумеется, не ведет. В статье, посвященной почвенничеству, он также отмечает лишь, что Страхов у Достоевского учился неохотно: «...тяготился своей зависимостью от Достоевского, от его уроков литературного мастерства» [Захаров, 2012, с. 19], хотя говорить об этом нет никаких оснований, если не считать, что Страхов все-таки с самого начала был самостоятельным мыслителем с собственными взглядами. Как художник слова Достоевский стоял гораздо выше своих коллег по журналу, но его авторитет как писателя никто и не оспаривал. Однако в отношении эрудиции в вопросах философии и эстетики ни Страхов, ни особенно Григорьев, по крайней мере, не уступали выдающемуся писателю.

Более объективным следует признать мнение Страхова, который отмечал в воспоминаниях, что Григорьев как мыслитель и критик намного превосходил своих коллег по редакции и был лидером кружка, к которому с пиететом относились все, включая и Ф. М. Достоевского. Этого Захарову почему-то признать никак не хочется. Но Страхов не искажал истину, когда писал о Григорьеве: «...я живо припоминаю то явное превосходство, которое он имел над литераторами тогдашних кружков. Не только он был глубоко образованный человек, знавший языки, начитанный, посвященный в философии, но и очевидный блеск зрелого ума и тонкости понимания ставили его далеко выше других» [Страхов, 1892, с. 251].

Страхов, отмечая противоречия во взглядах с редакцией «Времени», которые огорчали Григорьева, утверждал: «Но он напрасно питал какие-то сомнения относительно будущего; „Время“ с каждым шагом старалось все тверже и прямее идти по тому самому пути, который указывал Григорьев» [Страхов, 1990, с. 481].

Но при всем том Григорьев действительно оказывал наибольшее влияние как на Страхова, так и на Достоевского, и хотя период его воздействия на Достоевского был коротким, он, бесспорно, сыграл решающую роль в повороте Достоевского к славянофильству.

В отличие от многих современных исследователей, Л. П. Гроссман еще в 1924 г. признавал, что Достоевский, будучи выдающимся писателем, формировал свои философские и эстетические воззрения не без влияния Григорьева и Страхова: «Достоевский — критик и теоретик искусства в последнее двадцатилетие своей жизни, является безусловным учеником Аполлона Григорьева и Страхова. Зреющее в нем эстетическое мирозерцание осознается до окончательной формулировки, благодаря воздействию этих философских умов. После сближения с ними теоретическая мысль Достоевского выступает как вполне зрелая, убежденная и воинствующая сила. До этого момента — в 40-е и 50-е годы — она еще вся в исканиях, нащупываниях и колебаниях» [Гроссман, 1924, с. 183].

Нет сомнения, что философское и особенно эстетическое воздействие Григорьева на Достоевского было сильным. Даже когда Григорьев отсутствовал в Петербурге, это влияние продолжилось через Страхова, усвоившего и развившего многие из идей Григорьева.

Близкого мнения о влиянии на Достоевского Григорьева и Страхова придерживался в довоенные годы и А. С. Долинин. В статье, сопровождавшей публикацию писем Страхова к Достоевскому в 1940 г., Долинин, отметив роль Григорьева, признал и влияние на писателя Страхова: «...в первую очередь должен быть поставлен вопрос о Стракове, хотя бы потому, что в самом начале шестидесятых годов, когда „процесс перерождения убеждений“ Достоевского только что стал намечаться, около него, как мы знаем, находился только Страхов» [Долинин, 1989, с. 270].

Достоевский, который в 1861 г. еще тяготел к компромиссу с «Современником», к середине 1860-х гг., не без влияния Григорьева и Страхова, стал придерживаться более консервативных взглядов. А в 1868 г., находясь на Западе, он продолжает обличать «наше несчастное, оторванное от почвы сословие умников» и признается: «Здесь я за границей окончательно стал для России — совершенным монархистом» [Достоевский, 1972–1990, т. 28, кн. 2, с. 280–281].

Таким образом, возможен еще один вариант определения почвенничества: как консервативного ответвления славянофильства, взятого в широком смысле слова. Именно такое значение имеет, например, основной вариант перевода понятия «почвенничество» на английский язык — Native Soil Conservatism (буквально: «консерватизм национальной почвы»). Однако

то, что почвенники подчеркнуто открещивались от таких охранительных изданий, как «Маяк» и «Домашняя беседа», — см., например, [Григорьев, 1861], свидетельствует, что почвенничество представляет собой именно *просвещенный* консерватизм — будучи более консервативным, чем раннее славянофильство, но все же *умеренно*-консервативным направлением. Не следует забывать и то, что одним из пунктов, по которому почвенники — демократы по происхождению — критиковали ранних славянофилов, был аристократизм славянофильского кружка. Любопытно, что в советское время, когда Белинского, Добролюбова, Писарева и Чернышевского было принято называть «революционными демократами», вышла статья о почвенниках, в которой они были названы «реакционными демократами» [Лейкина, 1929].

Григорьев не менее Достоевских настаивал на необходимости творческой самостоятельности почвеннического журнала «Время» и оказывал заметное влияние на обретение им особого, отличного от западничества и славянофильства пути. Однако набравшее ход «Время» в 1863 г. было запрещено, а из-за неожиданной кончины в 47 лет Григорьев так и не успел по-настоящему развернуться и в почвеннической «Эпохе».

* * *

Что касается Страхова, то Захаров не считает его почвенником и голословно заявляет: «Слово *почва* почти отсутствует в критическом тезаурусе Н. Н. Страхова» [Захаров, 2012, с. 17]. Хотя принадлежность к почвенничеству, разумеется, не определяется частотой употребления слов «почва», «почвенники» или «почвенничество», но все же и «в критическом тезаурусе» Страхова оно встречается не менее часто, чем в статьях самого Достоевского (если не считать программных объявлений редакции о подписке).

Достаточно сказать, что в книге «Из истории литературного нигилизма (1861—1865)» (1890), в которую вошли статьи периода сотрудничества в журналах «Время» и «Эпоха», слово «почва» употреблено *75 раз*. Правда, значительная часть из них использована в статье «Пример апатии» («Время», 1862, № 1), которая является ответом на фельетон философствующего критика «Современника» М. А. Антоновича «О почве...».

В статье «Об „опальном журнале“» («Время», 1862, № 5), ответе Страхова на очередную полемическую статью «О духе „Времени“ и о г. Косице как наилучшем его выражении» («Современник», 1862, № 4), автор лишь один раз прибегает к термину «почва», однако почвенническую критику журнала обличительного направления строит на основе понятия «народность»: «„Время“ указывало на народность, заявляло желание искать

народного духа во всех проявлениях нашей жизни, искать сближения с ним. Для „Современника“ все это были пустые фразы...» [Страхов, 1890, с. 144].

Надо признать, что именно Страхов внес существенную терминологическую путаницу в обсуждение вопроса о почвенничестве как отдельном направлении, когда посчитал необходимым в результате споров с И. С. Аксаковым и М. Н. Катковым после закрытия «Времени» прямо называть себя в собственных статьях славянофилом, а не почвенником. Для него сходство почвенничества с направлением славянофильского «Дня» И. С. Аксакова было неоспоримым. Тема народности действительно сближала эти родственные направления. Однако нельзя не учитывать того, что и Страхов, называя себя славянофилом, каждый раз не забывал делать оговорки о том, что поддерживаемое им направление — это все-таки *особая* разновидность славянофильства.

В примирительном письме к И. С. Аксакову в 1863 г. он признавался, что притязания «Времени» на оригинальность были сделаны во имя тактических целей, ради успеха в журнальной конкуренции: «„Время“ было, если хотите, просто попыткой популяризировать славянофильские идеи на петербургской почве» [Аксаков — Страхов, 2007, с. 26]. Существенное отличие программы журнала «Время» от петербургской журналистики, по преимуществу западнической, отмечали многие, в том числе М. Н. Катков и сотрудники «Современника».

Страхов менее Достоевского и Григорьева увлекался новизной почвенничества. Его больше привлекали черты, не отличающие почвенников от славянофилов, а наоборот, сближавшие эти направления. В воспоминаниях о Достоевском он писал: «Мысль о *новом направлении*, однако же, сперва занимала меня, особенно вследствие влияния Ап. Григорьева; но очень скоро, может быть, по своему нерасположению к неопределенности, я решил, что нужно прямо признавать себя славянофилом, когда признаешь существенные начала этого учения. Таким образом, некоторое время я расходился с направлением „Времени“», причем не могу сказать, чтобы горячо проповедовал или отстаивал свое расхождение. И без того дело шло своим естественным путем и пришло к необходимому выводу» [Страхов, 1990, с. 402–403].

Поставив себе странную цель развенчать ближайших союзников Достоевского по почвенничеству, Захаров пишет о них так, словно это был замкнутый кружок трех лиц, далеких от единомыслия, но творивший в изолированном пространстве. На самом деле к почвенничеству примыкали также драматург Д. В. Аверкиев, поэт А. Н. Майков и ряд молодых писателей и публицистов. Страхов отмечал, что молодежь, увлеченная почвенничеством как

направлением, вносящим оживляющие изменения в славянофильские идеи, была тесно связана именно с Григорьевым: «Они всего теснее группировались около Ап. Григорьева, привлекавшего их не только умом, но и детскою простотою и добродушием. Молодые люди долго носились с мыслью о новом направлении. Дело, конечно, состояло в том, чтобы дать некоторый бóльший простор славянофильскому взгляду, захватить в него те явления, которые он ревниво исключал, например, текущую литературу или разные западные влияния» [Страхов, 1990, с. 403].

Раз за разом остроумно и зло высмеивал почвеннический журнал М. А. Антонович (часто выступавший под псевдонимом «Посторонний сатирик»). В сатирической аллегории «Стрижам» (начало статьи взято у Салтыкова-Щедрина) выведены узнаваемые образы основных сотрудников редакции журнала «Время» и «Эпоха» [Антонович, 1864, с. 154–155]. В статье высмеиваются, например, различные сочетания со словом «органический» [Там же, с 165–166], предложенным для выражения главной идеи направления увлеченным этим понятием критиком Бельведерским (имеется в виду, конечно, Аполлон Григорьев).

Любопытно, что в статье-фельетоне чутко подмечено и различное отношение сотрудников к понятию «почва». Его авторы иронизируют, что Сысоевский (Достоевский) злоупотребляет термином «почва» и Тряпица (Косица, то есть Страхов) упрекает его в этом: «...ты же сам и опозорил почву, потому что употреблял ее уж слишком часто...», — а тот отвечает, что «стал очень умерен в употреблении почвы» [Антонович, 1864, с. 164]. Оппозиционная печать остро реагировала на новое направление и всячески старалась его высмеять, дискредитируя «реакционных» оппонентов. Серьезных положительных отзывов о почвенниках в печати появлялось несравненно меньше.

Первоначально консервативная направленность почвенничества ассоциировалась больше со Страховым и Григорьевым, но в последующие годы, когда Достоевский, не без влияния коллег по журналу «Время», укрепился в идейном консерватизме, он стал воплощением этого направления. И что характерно, Достоевский уже не противопоставлял свои взгляды славянофильству столь резко, как вначале. Недаром несколько неожиданно для кого-то в статье 1877 г. «Признания славянофила» он писал о себе: «Я во многом убеждений чисто славянофильских, хотя, может быть, и не вполне славянофил» [Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 195]. Что это, как не декларация направления, близкого к славянофильству, но все же его самостоятельной ветви — то есть почвенничества? Да, ведущие представители этого направления в этот период по разным причинам не часто называли себя

почвенниками, но это не меняет сути. Почвенничество как единое направление к тому времени уже состоялось и не было уже ни «мистификацией», ни загадочным явлением, требующим доказательства своего существования. Больше в ходу всегда было понятие «славянофильство», и почвенники также обычно придерживались этого термина. Так, Страхов писал в одной из своих статей о Достоевском: «В той или другой степени, в том или другом виде, это — *славянофил*, это очень горячий сторонник славянофильства» [Страхов, 1896, с. 293]. И к почвенничеству вполне приложимы слова Страхова, сказанные о «славянофильстве» Достоевского: «Славянофильство есть просвещенный, идеализированный патриотизм...» [Там же, с. 294].

После признания себя Достоевским «почти славянофилом» можно сделать вывод, что почвенничество — это направление, выражавшее русскую национальную идею, но долгое время не сливавшееся со славянофильством, главным образом по тактическим соображениям. Страхов пишет о сложном сочетании элементов почвенничества и славянофильства в идеологии и практике почвеннических журналов: «Оно было, во всяком случае, русское, патриотическое направление, искавшее себе определения и, как того требовала логика, наконец примкнувшее к славянофильству. Но некоторое время оно держалось особняком, и на это была двоякая причина: во-первых, желание самостоятельности, вера в свои силы; во-вторых, желание проводить свои мысли в публику как можно успешнее, интересовать ее, избегать столкновений с ее предубеждениями» [Страхов, 1990, с. 403].

* * *

Еще одна характерная ошибка пишущих о почвенничестве заключается в том, что исследователи обычно ограничивают изучение этого направления лишь периодом совместной деятельности Достоевского, Григорьева и Страхова в журналах «Время» и «Эпоха».

На самом деле и Достоевский, и Страхов оставались почвенниками и после завершения их совместной деятельности в «Эпохе». Правда, в этот период ни Достоевский, ни Страхов не обращались так часто, как раньше, к самому легкому опознавательному знаку направления — слову «почва», обычно прибегая для обозначения своего направления к более общему понятию «славянофильство». Это, конечно, несколько путало картину, делая границу между почвенничеством и славянофильством весьма размытой.

Однако легко можно выделить не менее четырех этапов развития почвеннической идеологии в периодической журналистике. «Почвенническими» изданиями вполне можно назвать не только журналы братьев Достоевских «Время» и «Эпоха», издаваемые при участии Григорьева и Страхова

(1861–1865), но и журнал «Заря», в редакционной политике которого основную роль играл Страхов (1869–1872), а также журнал «Гражданин» под редакцией Достоевского и при участии Страхова (1873–1874). Показательно, что либеральный критик А. Н. Пыпин, критикуя течения, которые он оценивал как враждебные направлению, основанному Белинским, писал в 1873 г.: «Но вражда переходит и к новым школам, например, к той школе, выродившейся из славянофильства, выражением которой служили и служат журналы „Время“, „Эпоха“, „Заря“, „Гражданин“» [Пыпин, 1873, с. 226].

К этим периодическим изданиям следовало бы добавить и «Дневник писателя» Достоевского, в котором почвенническая идеология получила особое развитие, а также его «Пушкинскую речь», ставшую триумфальной кульминацией тех идей, которые сформировались в кружке почвенников.

Рассматривая историю почвенничества, Захаров журнал «Заря» даже не упоминает, хотя этот печатный орган, выходявший в 1869–1872 гг., стал важным этапом дальнейшей эволюции почвенничества как направления и был отмечен наибольшей, может быть, духовной близостью Достоевского и Страхова.

О почвеннической направленности «Зари» говорит хотя бы тот факт, что, приглашая в 1868 г. В. И. Ламанского к сотрудничеству с новым журналом, издателем которого стал молодой помещик-энтузиаст В. В. Кашпирёв, Страхов охарактеризовал направление журнала как славянофильство без крайностей: «Направление у него есть, — есть сочувствие к тому, что я называю светским славянофильством. Вы, Владимир Иванович, знаете, сколько исключительности и крайности бывает у чистых славянофилов, Вы сами свободнее от них, чем кто бы то ни было, — поэтому Вы поймете меня и поэтому именно Ваше содействие я считал бы самым желанным для журнала»¹. Журнал явно имеет почвеннический характер, хотя Страхов предпочел назвать его направление здесь «светским славянофильством».

Почвенническое направление «Зари» подтверждается и очередным письмом Страхова к Достоевскому: «А знаете ли, кто г. Кашпирёв, наш редактор? Познакомившись с ним ближе, я увидел, что он воспитанник *Времени* и *Эпохи*, что он воспитался на них, как другие русские люди на *Современнике*, *Русском Слове* и пр. Итак, есть плоды и нашей деятельности; они редки; но действительные плоды, а не пустоцвет» [Страхов, 1940, с. 260]. Пусть издатель «Зари» оказался впоследствии скорее мечтательным Обломовым, чем настоящим тружеником во славу почвенничества, но именно в этом журнале Страхов развернулся во всю свою силу. Многие его статьи,

¹ Страхов Н. Н. Письмо В. И. Ламанскому. 21 августа 1868 г. // РО ИРЛИ. Ед. хр. 2382. Л. 7.

попавшие в первую книгу «Борьбы с Западом в нашей литературе», были напечатаны в «Заре».

Апофеозом почвеннической направленности «Зари» стала серия статей Страхова о романе Толстого «Война и мир» — едва ли не лучшие его критические произведения. Страхов блестяще развил в этом цикле, который он сам впоследствии назвал «критической поэмой в четырех песнях», идеи, высказанные ранее Аполлоном Григорьевым в журнале «Время», в частности, в статье «Литературная деятельность графа Л. Толстого» (1862).

Достоевский, находясь за границей, принимал в «Заре» живейшее участие. Он восхищался опубликованным в журнале трудом Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», хвалил статьи Страхова, волновался за судьбу близкого ему по духу журнала. Он отдал в «Зарю» свою повесть «Вечный муж». Показательно, что Достоевский еще до выхода журнала советовал Страхову в первый же год непременно поместить в нем развернутую статью о литературной критике Ап. Григорьева — того самого «славянофила, а не почвенника», о котором В. Н. Захаров отзывается без должного почтения.

Во второй статье о романе Толстого «Война и мир» Страхов дал блестящую характеристику мирозозерцания своего друга и учителя, развернув намеченную Григорьевым идею развития отечественной словесности в убедительную и потому величественную линию развития русской литературы от поздней прозы Пушкина до эпического романа Толстого. Журнал «Заря» прекратил существование в 1872 г. вышедшим с запозданием февральским номером, в котором по иронии судьбы был напечатан рассказ Л. Н. Толстого «Кавказский пленник» — автор дал его в журнал ради Н. Н. Страхова.

Журнал «Гражданин», редакторство которого в 1873 г. по договоренности с издателем, князем В. Мещерским, взял на время в свои руки Достоевский, стал, естественно, еще одним органом печати, продолжившим направление «Времени» и «Эпохи». Хотя Н. Н. Страхов к сотрудничеству в «Гражданине» отнесся без особого энтузиазма и его участие в газете-журнале казалось не столь плодотворным, как в «Заре» и прежних периодических изданиях Достоевского, он внес достаточно заметный вклад в почвенническую направленность «Гражданина», отвечая в журнале за библиографию и критику.

Начатый Достоевским в «Гражданине» «Дневник писателя» явился очередным, если не высшим этапом развития почвенничества как направления. Среди острых политических тем этого периодического издания в связи с темой почвенничества обращают на себя внимание заметки Достоевского под названием «Признания славянофила», в которых он сразу сделал уже цитированное нами заявление, неожиданное для единственного, по харак-

теристике Захарова, «почвенника»: «Я во многом убеждений чисто славянофильских, хотя, может быть, и не вполне славянофил» [Достоевский, 1972—1990, т. 25, с. 195].

У исследователей, ориентирующихся исключительно на «почвенность» Достоевского, данное заявление, которое вполне перекликается с многочисленными «славянофильскими» заявлениями Григорьева и Страхова, должно бы вызвать недоумение. Ведь именно под тем предлогом, будто Григорьев «был славянофилом», Захаров «отлучает» его от единого с Достоевским направления. Захаров, кстати, так уточняет свою мысль о Григорьеве: «Он — почвенник в той мере, в которой почвенничество следует славянофильству» [Захаров, 2012, с. 18]. По логике вещей этот афоризм следовало бы перевернуть наоборот: «Григорьев — славянофил в той мере, в какой почвенничество следует славянофильству», — ибо отличие почвенничества от славянофильства заключается как раз в тех «оговорках», какие «почвенники» постоянно делали в своих суждениях о близком им направлении. Они не отвергали славянофильство целиком (если не считать Достоевского в начальный период издания «Времени»), но неизменно указывали на те пункты славянофильской идеологии, которые их не устраивали. Славянофильство «с оговорками» — это и есть, собственно, характеристика почвенничества. Правда, оговорки эти, как свидетельствуют, например, сочинения Ап. Григорьева, могут быть очень существенными.

Понятие «славянофильство» имеет не только узкое значение кружка ранних славянофилов — братьев Аксаковых, Хомякова, Киреевского, Самарина и других, — но и иное, более широкое толкование — как движения, воплощающего разные лики русского национального идеала, «русской идеи». Если учитывать это, то никакого противоречия нет и в высказывании Достоевского в записной тетради 1876—1877 г., где он называет себя сторонником «убеждений чисто славянофильских», хотя и с оговорками. Взгляды писателя за прошедшие годы явно претерпели эволюцию, и он, как и Григорьев со Страховым, осознал, что между почвенничеством и славянофильством нет глубоких разногласий. Можно сказать, что почвенничество — это умеренно-консервативное направление славянофильства, понимаемого расширительно.

Достоевский и сам отмечает эту двойственность в толковании термина «славянофильство»: «Славянофилы до сих пор понимаются различно. Для иных, даже и теперь, славянофильство, как в старину, например, для Белинского, означает лишь квас и редьку. Белинский действительно дальше не заходил в понимании славянофильства. Для других (и, заметим, для весьма многих, чуть не для большинства даже самих славянофилов) славянофиль-

ство означает стремление к освобождению и объединению всех славян под верховным началом России — началом, которое может быть даже и не строго политическим» [Достоевский, 1972—1990, т. 25, с. 195]. Достоевский привносит в толкование славянофильства особое мессианское чаяние «нового, здорового и еще неслыханного миром слова» [Там же].

* * *

Тема почвенничества как единого направления лучше всего может быть раскрыта на примерах отношения Достоевского, Григорьева и Страхова к Пушкину, особенно в его поздний период. Западники во главе с Белинским пришли к отрицанию значения позднего творчества Пушкина. Славянофилы Пушкина недооценивали, предпочитая ему Гоголя. Гоголь казался К. Аксакову более глубоким и христианским мыслителем, чем «легкомысленный» Пушкин. Григорьев объяснял этот недостаток славянофилов излишним теоретизмом и недооценкой ими роли художественности.

Культ Пушкина явился одной из тех предпосылок, которые послужили основанием для сближения будущих почвенников. Можно сказать даже, что любовь к Пушкину вообще есть одно из главных отличительных черт почвенничества. Безмерным уважением к личности Пушкина скрепляется союз всех трех мыслителей, которые составляют основу почвенничества как литературного направления.

Пушкинскую тему особенно глубоко разрабатывал Аполлон Григорьев, рассматривая прозу Пушкина как начало всей подлинно самобытной русской национальной литературы. Григорьев вкладывал в свое толкование образа Пушкина вполне почвеннический смысл: «Пушкин не западник и не славянофил, Пушкин русский человек, каким сделало русского человека соприкосновение со сферами европейского развития» [Григорьев, 1876, с. 514].

Страхов блестяще развил эту линию, рассмотрев роман Толстого «Война и мир» как воплощение пушкинских принципов в литературе и одновременно как истинно христианское произведение, проповедующее торжество начал «простоты, добра и правды». Из статей Страхова следует, что роман Толстого «Война и мир» выдержан в почвеннической традиции, начало которой восходит к Пушкину.

Достоевский, подобно Григорьеву и Страхову, относился к Пушкину с безмерным почтением и ставил его выше других русских писателей, считая основоположником современной русской литературы. А в записной тетради Достоевского за 1876—1877 гг. можно найти неожиданный афоризм о Пушкине: «ПУШКИН — этот главный славянофил России» [Достоевский, 1972—1990, т. 24, с. 276]. Если рассматривать это изречение писателя,

который прежде подвергал критике славянофильский «День», вне контекста истории почвенничества, то мысль о связи Пушкина со славянофильством останется непонятной.

Но еще раньше Достоевский сделал другую запись примерно в том же духе: «...Пушкин (обожатель Петра) был в сущности отрицатель Петра любовью к русскому старому народному духу („Капитанская дочка“, Белкин и проч.). Это — начало и начальник славянофилов» [Там же, с. 269]. Можно найти в записях Достоевского и другие подобные вариации на пушкинские темы.

Что Достоевский имел в виду? Прежде всего это означает, что Пушкин был вполне русский человек и отражал те идеалы, которые исповедовал русский народ. Эти записи Достоевского о Пушкине перекликаются с мыслями Ап. Григорьева, вершиной которых стал затертый, к сожалению, до банальности афоризм «Пушкин — наше всё», и свидетельствуют, что в душе Достоевского уже тогда шла работа над содержанием его будущей Пушкинской речи.

Относя Пушкина к славянофилам, Достоевский имеет в виду славянофильство в широком смысле. С учетом того, что Пушкин признавал Петра и Петербург, а также выступал, подобно Григорьеву, против отвлеченного теоретизма славянофилов, терминологически точнее было бы назвать Пушкина почвенником, чем славянофилом. Именно по этой причине на прославлении творческого наследия Пушкина сошлись все основные представители почвенничества. Почвенническое направление без сомнения можно назвать «пушкинским». Пушкин — главная ценность русской литературы для почвенников, их главный ориентир в жизни и творчестве.

Кульминацией почвеннического поклонения Пушкину стала знаменитая речь Достоевского, произнесенная при торжествах по случаю открытия памятника поэту. Эта речь стала свидетельством глубинных духовных связей почвенничества. В воспоминаниях о Достоевском Страхов, говоря о триумфальном выступлении писателя на Пушкинском празднике, связывал ее успех с традицией почвенничества — той литературной «партии», которая на протяжении десятков лет исповедовала поклонение Пушкину: «Никто лучше Аполлона Григорьева не писал о Пушкине, и никакие другие кружки не были больше преданы литературе. К этим кружкам примыкал Федор Михайлович, в иных из них был руководителем и когда-то дал этому направлению особое название *почвенников*... Вот какое направление, думалось мне, одержало верх на Пушкинском празднике. (...) На Пушкинском торжестве должна была одержать верх та партия, которая во все продолжение последних тридцати лет питала и исповедовала поклонение Пушкину, и Достоевский, самый важный и деятельный представитель этой партии, должен был

получить венок первенства как то, что ему принадлежало по всем правам и заслугам» [Страхов, 1990, с. 515—516].

Вдохновлявшийся идеями почвенничества литературный критик второй половины XIX в. Ю. Н. Говоруха-Отрок, один из ближайших последователей почвенничества, также утверждал, что эта речь опирается на идеи Ап. Григорьева, то есть, по существу, тоже свидетельствовал о наличии глубинных творческих взаимосвязей между почвенниками: «...знаменитая Пушкинская речь Достоевского в той своей главной части, где объясняется смысл поэзии Пушкина, представляет собою лишь великолепное и блестящее даже не развитие, а изложение мыслей Григорьева» [Говоруха-Отрок, 2012, т. 2, с. 49].

Страхов прожил дольше Достоевского и Григорьева. Как бы ни были омрачены отношения Страхова с Достоевским в последние годы их общения, вылившиеся в напечатанное позже злополучное письмо, без его мемуарных сочинений «Воспоминания о Ф. М. Достоевском» и «Воспоминания об Аполлоне Григорьеве» представить себе историю почвенничества невозможно. Из этих воспоминаний видно, что, несмотря на все разногласия, почвенничество как единое направление, отличное от других литературных течений, представляет собой очень заметную главу в истории отечественной словесности. Выдающимся памятником почвеннической публицистики является и трехтомный труд Страхова «Борьба с Западом в нашей литературе».

Таким образом, вопреки тому, в чем заверяет Захаров в своей статье о «почве», позволим себе смелость утверждать, что «почвенничество» как единое направление все-таки существовало и к его бесспорным выразителям принадлежали как Достоевский, так и Григорьев со Страховым. Есть несомненные признаки того, что в идеях и сочинениях Достоевского, Страхова и Григорьева есть очень много общего. Хотя, может быть, эти мыслители в чем-то расходились и не так часто употребляли слово «почва», но сближающие их идеи, обладающие всеми признаками единого литературного течения, существенно обогатили отечественную культуру. Несмотря на все попытки подвергнуть сомнению сам факт существования этого яркого и плодотворного ответвления отечественной литературы посредством всевозможных «мистификаций», почвенничество как особое направление занимает видное место в истории русской словесности второй половины XIX в.

Литература

- Аксаков — Страхов, 2007 — И. С. Аксаков — Н. Н. Страхов. Переписка / Сост. М. И. Щербакова. Оттава: Группа славянских исследований при Оттавском университете; М.: ИМЛИ РАН, 2007. 192 с.

- Антонович, 1861 — Антонович М. О почве (не в агрономическом смысле, а в смысле «Времени») // Современник. 1861. № 12. Отд. II. С. 171–188.
- Антонович, 1864 — *Посторонний сатирик [Антонович М. А., Салтыков-Щедрин М. Е.]*. Стрижам (Послание обер-стрижу, господину Достоевскому) // Современник. 1864. № 7. Отд. II. С. 154–170.
- Боборыкин, 1929 — Боборыкин П. Д. За полвека: (Мои воспоминания). М.; Л.: Земля и фабрика, 1929. 386 с.
- Говоруха-Отрок, 2012 — Говоруха-Отрок Ю. Н. Во что веровали русские писатели? Литературная критика и религиозно-философская публицистика: В 2 т. СПб.: Росток, 2012. Т. 2. 1087 с.
- Григорьев, 1861 — Григорьев Ап. Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия // Время. 1861. № 5. Отд. «Критическое обозрение». С. 1–35.
- Григорьев, 1876 — Сочинения Аполлона Григорьева. Том первый / Изд. Н. Страхова. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1876. X + II + 644 + XII с.
- Григорьев, 1930 — Григорьев Ап. Воспоминания / сост., примеч. и указ. имен Иванова-Разумника. М.; Л.: Academia, 1930. 699 с.
- Григорьев, 1990 — Григорьев Ап. Сочинения: В 2 т. / Сост. и коммент. Б. Ф. Егорова. Т. 2: Статьи и письма. М.: Художественная литература, 1990. 510 с.
- Григорьев, 1999 — Григорьев Ап. Письма / Изд. подг. Р. Витакер, Б. Ф. Егоров. М.: Наука, 1999. 475 с. (Литературные памятники).
- Гроссман, 1924 — Гроссман Л. П. Путь Достоевского. Л.: Брокгауз—Ефрон, 1924. 236 с.
- Долинин, 1989 — Долинин А. С. Достоевский и Страхов // Долинин А. С. Достоевский и другие: Статьи и исследования о русской классической литературе. Л.: Художественная литература, 1989. С. 234–270.
- Достоевский, 1972–1990 — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- Достоевский. Новые материалы, 1973 — Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. 791 с. (Литературное наследство; Т. 86).
- Захаров, 2012 — Захаров В. Н. Почвенничество в русской литературе: метафора как идеологема // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд. ПетрГУ, 2012. Вып. 10. С. 14–24.
- Захаров, 2017 — Захаров В. Н. Poleмические заметки Ф. М. Достоевского о Н. Н. Стрехове // Русская литература. 2017. № 4. С. 61–69.
- Зеньковский, 1997 — Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. М.: Республика, 1997. 368 с.
- Карпи, 2004 — Карпи Г. Почвенничество и федерализм: А. П. Шапов и журнал «Время» // Вопросы литературы. 2004. № 4. С. 158–176.
- Книжный вестник, 1865а — Н. Алп. [Курочкин Н. С.] А. А. Григорьев в своих письмах: [Рец.] // Книжный вестник. 1865. № 1, 15 янв. С. 10–11.
- Книжный вестник, 1865b — Ответ Н. Н. Стрехову // Книжный вестник. 1865. № 7, 15 апр. С. 137–138 (без подписи).
- Лейкина, 1929 — Лейкина В. Реакционная демократия 60-х годов: Почвенники // Звезда. 1929. № 6. С. 168–181.
- Осповат, 1978 — Осповат А. Л. К изучению почвенничества: (Достоевский и Ап. Григорьев) // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1978. Т. 3. С. 144–150.

- Писарчик, 2012 — Писарчик Т. П. Философия почвенничества Аполлона Григорьева // Вестник ОГУ. 2012. № 1 (137). С. 67–73.
- Пыпин, 1873 — Пыпин А. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов: Исторические очерки // Вестник Европы. 1873. № 5. С. 223–274.
- Розанов, 2014 — Розанов В. В. Годовщина смерти Н. Н. Страхова и Ю. Н. Говорухи-Отрока // Розанов В. В. Полное собрание сочинений. СПб.: Росток, 2014. Т. 1. С. 472–474.
- Страхов, 1885 — Страхов Н. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862–1885). СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1885. 484 с.
- Страхов, 1890 — Страхов Н. Н. Из истории литературного нигилизма (1861–1865). СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1890. XII, 596 с.
- Страхов, 1892 — Страхов Н. Н. Поминки по А. Григорьеве // Страхов Н. Н. Воспоминания и отрывки. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1892. С. 247–255.
- Страхов, 1896 — Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1896. Кн. 3. 384 с.
- Страхов, 1902 — Страхов Н. Н. Критические статьи. Киев: И. П. Матченко, 1902. Т. 2. 436 с.
- Страхов, 1940 — Письма Н. Н. Страхова Ф. М. Достоевскому / Публ. А. С. Долинина // Шестидесятые годы: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 255–281.
- Страхов, 1990 — Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 375–532.

References

- Alp, N. [Kurochkin, N. S.] (1865). 'A. A. Grigor'ev v svoikh pis'makh. [Critique]', *Knizhnyi vestnik*, 1, january15, 10–11.
- [Anonym] (1865). 'Otvet N. N. Strakhovu', *Knizhnyi vestnik*, 7, apr. 15, 137–138.
- Antonovich, M. (1861). 'O pochve (ne v agronomicheskom smysle, a v smysle "Vremeni")', *Sovremennik*, 12, 171–188.
- Boborykin, P. D. (1965). *Za polveka (Moi vospominaniya)*. Moscow; Leningrad: Zemlya i fabrika, 1929. 386 p.
- Carpi, G. (2004). 'Pochvennichestvo i federalizm. A. P. Shchapov i zhurnal Vremya', *Voprosy literatury*, 4, 158–176.
- Dolinin, A. S. (1989). 'Dostoevskii i Strakhov', in: *Dostoevskii i drugie. Stat'i i issledovaniya o russkoi klassicheskoi literature*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 234–270.
- A. S. Dolinin, ed. (1940). 'Pis'ma N. N. Strakhova F. M. Dostoevskomu', in: *Shestidesyatye gody. Materialy po istorii literatury i obshchestvennogo dvizheniya*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk USSR, 255–281.
- Dostoevskii, F. M. (1972–1990). *Polnoe sobranie sochinenii*, 30 vols. Leningrad: Nauka.
- F. M. Dostoevskii. *New Materials and Research Works* (1973). (Literaturnoe Nasledstvo, Vol. 86). Moscow: Nauka. 791 p.
- Govorukha-Otrok, Yu. N. (2012). *Vo chto verovali russkiye pisateli? Literaturnaya kritika i religiozno-filosofskaya publitsistika*. St. Petersburg: Rostok. Vol. 2. 1087 p.

- Grigoryev, Apollon (1876). *Sochineniya*. N. Strakhov, ed. St. Petersburg: Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya polza". Vol. 1. X + II + 644 + XII p.
- Grigoryev, Apollon (1930). *Vospominaniya*. Ivanov-Razumnik, ed. Moscow; Leningrad: Academia. 699 p.
- Grigoryev, Apollon (1990). *Sochineniya*, 2 vols. B. F. Yegorov, ed. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Vol. 2. Stat'i i pis'ma. 510 p.
- Grigoryev, Apollon (1999). *Pis'ma*. R. Whittaker, B. F. Yegorov, eds. (Literaturnye pamyatniki). Moscow: Nauka. 475 p.
- Grossman, L. (1924). *Put' Dostoevskogo*. Leningrad: Brokgauz—Efron. 236 p.
- Leikina, V. (1929). 'Reaktionnaya demokratiya 60-kh godov. Pochvenniki', *Zvezda*, 6, 168–181.
- Ospovat, A. L. (1978). 'K izucheniyu pochvennichestva (Dostoevskii i Ap. Grigoryev)', in: *Dostoevskii. Materialy i issledovaniya*. Leningrad: Nauka. Vol. 3, 144–150.
- Pisarchik, T. P. (2012). 'Filosofiya pochvennichestva Apollona Grigoryeva', *Vestnik Orenburskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (137), 67–73.
- Postoronniy satirik [Antonovich, M. A., Saltykov-Shchedrin, M. E.] (1861) 'Strizham (Poslaniye ober-strizhu, gospodinu Dostoevskomy)', *Sovremennik*, 7, 154–170.
- Pypin, A. (1873) 'Kharakteristiki literaturnykh mnenii ot dvadtsatykh do pyatidesyatykh godov. Istoricheskie ocherki', *Vestnik Evropy*, 5, 223–274.
- Rozanov, V. V. (2014). 'Godovshchina smerti N. N. Strakhova i Yu. N. Govorukhi-Otroka', in: Rozanov, V. V. *Polnoye sobraniye sochineniy*. St. Petersburg: Rostok. Vol. 1, 472–474.
- M. I. Shcherbakova, ed. (2007). *I. S. Aksakov — N. N. Strakhov. Perepiska*. Ottawa: Slavic Research Group of the University of Ottawa; Moscow: Institut mirovoi literatury Rossiiskoi akademii nauk. 192 p.
- Strakhov, N. N. (1885). *Kriticheskie stat'i ob I. S. Turgeneve i L. N. Tolstom (1862—1885)*. St. Petersburg: Tipografiya brat'ev Panteleevykh. 484 p.
- Strakhov, N. (1890). *Iz istorii literaturnogo nigilizma*. St. Petersburg: Tipografiya brat'ev Panteleevykh. XII, 596 p.
- Strakhov, N. (1896). *Bor'ba s Zapadom v nashei literature*. St. Petersburg: Tipografiya brat'ev Panteleevykh. Vol. 3, 384 p.
- Strakhov, N. N. (1902). *Kriticheskiye stat'i*, Vol. 2. Kiev: I. P. Matchenko. 436 p.
- Strakhov, N. N. (1990). 'Vospominaniya o Fyodore Mikhailoviche Dostoevskom', in: *F. M. Dostoevskii v vospominaniyakh sovremennikov*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Vol. 1, 375–532.
- Zakharov, V. N. (2012). 'Pochvennichestvo v russkoi literature: metafora kak ideologema', in: *Problemy istoricheskoi poetiki*. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Iss. 10, 14–24.
- Zakharov, V. N. (2017). 'Polemicheskiye zametki F. M. Dostoevskogo o N. N. Strakhove', *Russkaya literatura*, 4, 61–69.
- Zen'kovsky, V. V. (1997). *Russkie mysliteli i Evropa*. Moscow: Respublika. 368 p.